

Теория и история культуры  
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article



This is an open access article distributed under  
the Creative Commons Attribution 4.0  
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. К. Жиров  
г. Апатиты, Россия

© 2022 г. Е. Г. Митина  
г. Мурманск, Россия

© 2022 г. А. В. Ищенко  
г. Апатиты, Россия

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ  
САДОВО-ПАРКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РОССИИ:  
САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА**

**Аннотация:** Основные вехи эволюции отношений человека и природы отражаются в смене социальных функций ландшафтной архитектуры в различные периоды ее исторического развития. Во многом оно связано с просветительской деятельностью садов и парков. Гармоничное сочетание древнего сакрального и современного образовательного символизма отличает садово-парковое искусство от других архитектурных форм. Данная статья посвящена историческому развитию просветительского значения русской садово-парковой архитектуры, которое рассматривается в контексте отношений сакральной и образовательной функций. Процесс становления просветительской роли российской садово-парковой архитектуры исследуется авторами от эпохи Древнего мира до Новейшего времени: на этапах ее реализации через сакральные сооружения древних славян, создание монастырских садов и аптекарских огородов, формирование системы ботанических садов и экологических парков. Изучение эволюции этих отношений позволяет заключить, что сакральная и образовательная функции русского ландшафтного искусства, возникнув раньше других, не только находятся в развитии до наших дней, но и имеют тесную взаимосвязь именно в дискурсе просвещения.

**Ключевые слова:** садово-парковая архитектура, культовые сооружения древних славян, монастырские сады, аптекарские огороды, ботанические сады, экологические парки, сакральный символизм, образовательная среда.

**Информация об авторах:**

Владимир Константинович Жиров — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник председателя, Кольский научный центр Рос-

сийской академии наук, ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8519-1082>

E-mail: [v\\_zhirov\\_1952@mail.ru](mailto:v_zhirov_1952@mail.ru)

Елена Гарисоновна Митина — доктор педагогических наук, профессор кафедры естественных наук, Мурманский арктический государственный университет, ул. Капитана Егорова, д. 15, 183038 г. Мурманск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2640-5092>

E-mail: [elena\\_mitina08@mail.ru](mailto:elena_mitina08@mail.ru)

Анастасия Владимировна Ищенко — младший научный сотрудник, Лаборатория медицинских и биологических технологий, Кольский научный центр Российской академии наук, ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3087-9960>

E-mail: [anestezia\\_zhirova@mail.ru](mailto:anestezia_zhirova@mail.ru)

**Дата поступления статьи:** 16.06.2021

**Дата одобрения рецензентами:** 15.03.2022

**Дата публикации:** 28.09.2022

**Для цитирования:** *Жиров В. К., Митина Е. Г., Ищенко А. В.* Просветительское значение садово-парковой архитектуры в России: сакральный символизм и образовательная среда // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 8–25.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

Отношения человека и природы в подавляющем большинстве случаев двусторонне симметричны, хотя и неравнозначны. Как правило, природная среда невербально воздействует на психоэмоциональную сферу человека, который оставляет в ней материальный след своих действий.

Эти особенности наиболее наглядно отражаются в образной системе садово-парковой архитектуры. В процессе своего развития человеческое общество преобразует окружающую среду, руководствуясь как практическими (в частности, сельскохозяйственными), так и высшими (духовными, исследовательскими) мотивами. Вместе с тем, с этой точки зрения, смысл ландшафтного искусства заключается в создании на основе различных природных объектов цельной композиции, наделенной сакральным, образовательным или художественным смыслом [22, с. 6].

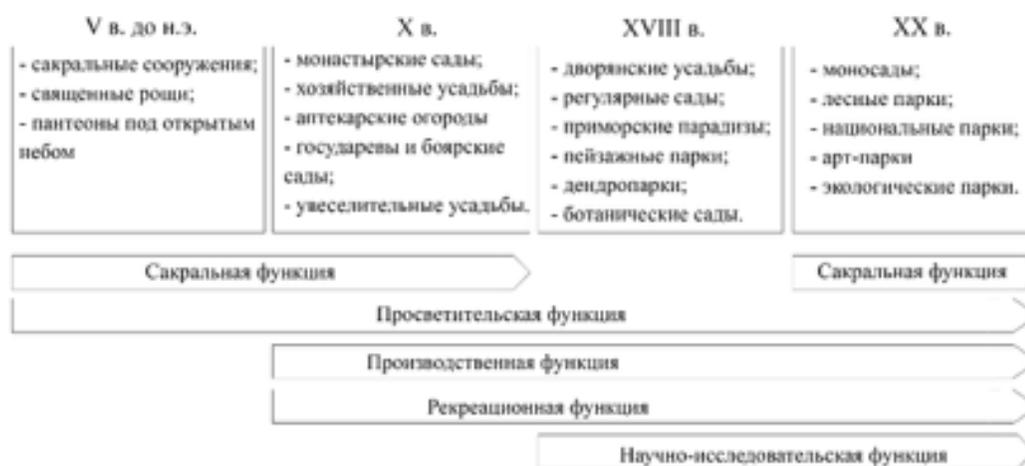
Известный отечественный филолог и искусствовед, академик Д. С. Лихачев утверждал, что главное отличие садов от других архитектурных форм заключается именно в его смыслообразующем потенциале. По его словам, сад — это «большая книга, учебное помещение, своего рода классная комната». Сад целенаправленно сообщает своему зрителю «различные аллегории, символы определенных понятий, событий, людей, богов», и через вызываемые ими ассоциации создает определенное настроение [8, с. 11]. Вместе с тем в различных культурных традициях сады продолжают выполнять чисто хозяйственные функции, преимущественно сельскохозяйственного назначения.

С религиозной точки зрения, в существующем многообразии искусственных ландшафтов можно выделить языческие (поли- и пантеистические) и монотеистические (христианскую, иудейскую и мусульманскую) составляющие.

Несмотря на принципиальные догматические различия между этими конфессиями, в большинстве сформировавшихся под их влиянием мировых культур сад является обобщенным образом первоначального мира [9, с. 49]. Основываясь на этом, можно

утверждать, что первые попытки человека изменить окружающий ландшафт имели прежде всего сакральный и только во вторую очередь хозяйственный смысл. Об этом свидетельствует древнее происхождение различных мегалитических и других культовых сооружений, значительно превосходящих по возрасту известные атрибуты сельскохозяйственных технологий [1, с. 16].

Большое число исторических свидетельств о непрерывности перехода от древних сакральных к современным образовательным функциям садово-паркового искусства значительно расширяет возможности анализа взаимоотношений религиозного и светского мировосприятия. Первые попытки использования реорганизованного пространства сакральных садов и рощ в древнем ландшафтном искусстве в качестве образовательной среды послужили основой современных представлений об исторической связи просвещения и религии [16, с. 12]. С этой точки зрения история развития отечественного садово-паркового искусства может быть представлена в виде следующей схемы (рисунок 1):



**Рисунок 1 – Основные этапы становления садово-парковой архитектуры в России согласно периодизации А. П. Вергунова и В. А. Горохова [1, с. 5–8]**  
**Figure 1 – The Main Formation Stages of Landscape Architecture in Russia According to the Periodization of A. P. Vergunov and V. A. Gorokhov [1, с. 5–8]**

Как видно, сакральная и просветительская функции выполнялись объектами садово-паркового искусства на территориях обитания древних славянских племен около V в. до н. э. и реализовывались через сакральные сооружения на возвышенностях, священные рощи и пантеоны под открытым небом. Согласно историческим данным (В. Я. Пропп, П. В. Шейн, Д. С. Лихачев, В. А. Липинская, Б. А. Тимошук, И. П. Русанова и др.), все создаваемые древними славянами ландшафтные объекты принадлежали к языческой культуре, для которой они имели сакральное значение. Так, для Древней Руси были характерны обожествление природных явлений, культ растений и животных, ритуальное отношение к естественным ландшафтам. Их почитали, как хозяев и защитников, боялись, как неизведанной и неуправляемой силы, им молились и приносили жертвы. Через образы, запечатленные на рукотворных культовых сооружениях, древние славяне сообщали следующим поколениям сведения о своих богах и их космогонической роли. Перун занимал высший уровень в славянской духовной

иерархии и подчинял себе всех остальных: Стрибога, олицетворявшего небо, Дажьбога — божества природных явлений и Солнца, Макошь — богиню урожая, Ладу — богиню весенней пахоты и сева, Семаргла — бога семян, корней и всходов, и т. д. [18, с. 431, 443]. Организация пространства древнеславянского капища, соответствующая иерархии отношений между этими духовными сущностями, показана на рисунке 2.



**Рисунок 2 – Схема предполагаемого расположения божеств на капище древних славян (на примере городища Богит, прекратившего свое существование в XI в. н. э.) [18]**  
**Figure 2 – Plan of the Estimated Location of Deities' figures on the Ancient Slavs Heathen Temple (on the Example of the Bogit Settlement, Ceased to Exist in the XI Century AD) [18]**

Первые признаки планирования садов, как производственных объектов, появились уже позднее, после крещения Руси (X в. н. э.) с появлением таких форм, как хозяйственные усадьбы и монастырские сады. При этом исполнение сакральной функции последними продолжается, но она постепенно начинает сходить на нет под влиянием западной культуры к завершению XVII в.

Согласно мнению О. Б. Сокольской, монастырские сады на Руси были двух типов: 1) утилитарные — плодовые, располагающиеся за стенами монастыря; 2) декоративные — малые палисадники внутри монастырских стен [22, с. 154].

Несмотря на то что славяне-язычники, несомненно, владели навыками садоводства, а также возводили вышеописанные архитектурные формы, первые свидетельства о концептуально-семантическом оформлении сада, как рукотворного природного образа, относятся к христианской эпохе и связаны с монастырским способом хозяйствования [11, с. 101]. По одному из мнений (В. Д. Черный, А. Г. Мельник), возникшие после крещения Руси монастырские сады носили нравственно-воспитательный и даже дидактический характер. Необходимо отметить, что, во-первых, место возведения монастыря выбиралось неслучайным образом. Монастырь должен был располагаться в окружении определенного ландшафта, подчеркивающего его сакральное и эстетическое значение. Топографически он был местом соединения различных природных и рукотворных экосистем. Выбор такой пространственной организации был продиктован символическим смыслом монастыря как места соединения дольного и горнего миров [10, с. 113].

Во-вторых, религиозной символике подчинялись и общие принципы организации монастырского пространства, включая территорию его сада. Архитектура древнерусских монастырей наследовала греко-византийские традиции, предполагающие обязательное наличие в монастырском саду главного собора — земного символа «престола Бога и Агнца», центральной, ведущей к нему аллеи, как «дороги к Богу», водного источника — «реки жизни» и ограждения — «духовной ограды» [11, с. 101].

Представляя собой обобщенный образ Эдема, сады-вертограды в стенах и за пределами монастырей включали в себя также яблони, цветы и птиц в качестве земных аналогов его обитателей [22, с. 153]. Крестообразно пересекающиеся тропы рядом с водным источником вместе символизировали необходимость преодоления Крестного Пути для возвращения в утраченный Рай по «реке жизни».

В дополнение к яблоням в иноческих обителях часто выращивали груши, сливы, вишни, шиповник и другие цветущие деревья, а также кустарники и многолетние травы, в частности, пионы [21, с. 22]. Рядом с цветущими растениями в монастырских садах часто располагались кедры или сосны, символизирующие крестные страдания Спасителя [12, с. 158]. Поскольку ливанский кедр упоминается в Священном Писании, но не произрастал на территории средневековой Руси, русские монахи уподобляли ему различных представителей семейства сосновых. Кроме того, в монастырских садах Киевской Руси часто можно было встретить виноградную лозу — расхожий во времена Средневековья христианский образ, побеги которой символизировали учеников, а гроздь — Тело и Кровь Спасителя.

Христианский символизм монастырских садов проявляется не только в видовой принадлежности, но и в способе посадки растений. Так, три липы во Свято-Введенском Толгском женском монастыре олицетворяют Святую Троицу, а двенадцать кедров — апостолов Христовых [2, с. 28]. Данная видовая композиция была выстроена с расчетом как на ее динамическое созерцание во время прогулки по главной аллее, так и на восприятие в статике — из беседки у восточной стены монастыря [22, с. 154] (рисунок 3).

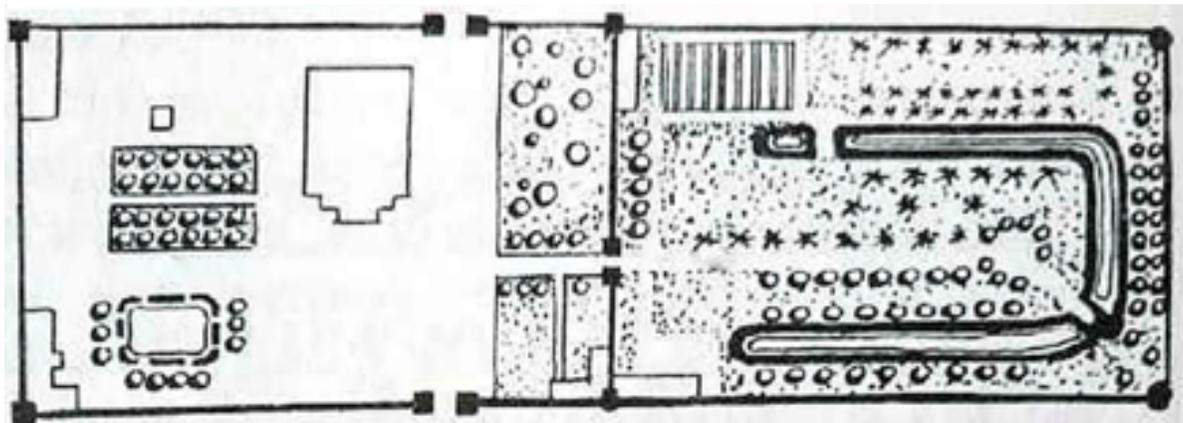


Рисунок 3 – План Свято-Введенского Толгского монастыря (1314 г.) [22, с. 153]

Figure 3 – Plan of St. Vvedensky Tolga Monastery (1314) [22, p. 153]

Следует отметить, что во многих русских монастырях, особенно после того, как в идеологии монастырского строительства сторонники прп. Иосифа Волоцкого одержали верх над «нестяжателями» прп. Нила Сорского, получил развитие общежительный принцип организации монастырей. Он повлек за собой значительное увеличение числа насельников вблизи «райских куш». По практическим соображениям стали выращиваться ягодные кустарники: смородина, малина, крыжовник. Были устроены грядки с овощами, иногда — с лекарственными растениями [21, с. 22].

По мнению С. А. Маленко, «Иноческое подвижничество условно разделило природу на две ипостаси: во-первых, это пространство, находящееся за пределами монастыря, выступающее символом первозданного, нерукотворного замысла, объек-

том преклонения и вдохновения. . . Во-вторых, это природа, сотворенная руками самих иноков, которая иллюстрирует жизненный и духовный путь иноческого подвижничества по преобразованию своего тела, души и сознания в соответствии с замыслами Творца» [10, с. 114].

Таким образом, уже в Средневековье сады русских монастырей служили не только хозяйственным и эстетическим, но и воспитательным целям, по существу представляя собой одну из первых попыток целенаправленной организации садового пространства как образовательной среды. Символическое устройство садов при русских православных монастырях соответствовало библейской символике и повествовало о первозданной гармонии природного и человеческого начал. Оно было призвано настроить человека на общение с Богом и способствовало погружению в благочестивые раздумья. Монастырские сады — внутренние или специально огражденные (тайные) — традиционно связывались с образом Пресвятой Богородицы, олицетворяя всю Церковь Христову.

Существует мнение, что символика садов русских монастырей была навеяна образной системой соответствующих ландшафтов средневековой Европы, поскольку многие русские монахи владели латынью и греческим языком и были способны пользоваться зарубежными литературными источниками [12, с. 517]. Согласно противоположной точке зрения, идея сада как материализованного «воспоминания об Эдеме» интерсубъективна, вследствие чего могла возникнуть в разных культурах, независимо от других [15, с. 43].

Просветительское значение садов усиливается при появлении их новых форм — «аптекарских огородов», на которых не только культивировались лекарственные растения, но также изучались их свойства. Потребность в производстве лекарственного сырья на ранних этапах становления фармакологии уже в Средние века послужила причиной широкого распространения садов с лечебными и другими полезными растениями [13, с. 63]. Возникшие на стыке хозяйственной деятельности монастырей и академического образования лечебные сады, а позднее — аптекарские огороды, вскоре заняли устойчивую позицию в образовательной сфере, явившись первыми проводниками ботанических знаний.

Лечебные сады появляются на Руси в XVI–XVII вв. в форме гряд, засаженных лекарственными растениями, которые обычно разводили при монастырях для частного пользования [1, с. 62]. Один из таких садов был устроен в Московском Кремле на территории Чудова монастыря в 1581 г. по приказу царя Иоанна IV (Грозного) для обслуживания нужд придворной Государевой аптеки [20, ч. 1, с. 399]. Для повышения качества и расширения ассортимента производимого растительного сырья, на службу в Государеву аптеку приглашались доктора, аптекари и ботаники из-за рубежа: доктор Ричард Рейнольд, аптекарь Томас Карвер, инженер Хемфри Лок и другие специалисты [5, с. 40]. Это сыграло немаловажную роль в развитии интродукции лекарственных растений в Российской империи.

В более широком смысле лечебные сады как центры, обеспечивающие медиков сырьем для приготовления лекарств, появляются при царе Михаиле Федоровиче Романове (1613–1645) [20, ч. 2, с. 6]. За время его правления, в рамках «Аптекарского указа» (точная дата его создания варьируется между 1581 и 1620 г.), кроме кремлевского лечебного сада, в Москве и ее окрестностях было организовано еще несколько садов, благодаря чему в значительной степени увеличились объемы и улучшилось каче-

ство выращиваемых растений. Сын Федора Михайловича, царь Алексей Михайлович («Тишайший», 1645–1676) принял особые меры по обеспечению страны лекарственными растениями: расширил сеть лечебных садов в Москве и селе Измайлово и сделал ежегодное царское повеление военачальникам «собирать травы, цветы и корни, которые годны к лекарственному делу». В это время открывается первый и важнейший в России аптекарский огород у Каменного моста, с западной стороны от Кремля, следом за ним — второй у Мясницких ворот, далее — третий вблизи Немецкой слободы, и после того еще несколько аптекарских огородов в окрестностях Москвы [25, с. 130].

С приходом к власти Петра I к началу XVIII в. складываются наиболее благоприятные условия для развития просветительского потенциала русской садово-парковой архитектуры.

В 1706 г. на окраине Москвы за Сухаревой башней был заложен старейший из ныне сохранившихся аптекарских огородов (сейчас — Ботанический сад Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова). Уже в то время огородам вменялось в обязанность пополнять коллекцию редкими интродуцированными растениями. Существует мнение, что Петр лично посадил там три дерева: ель, пихту и лиственницу — «для научения граждан в их различии» [23, с. 97].

В 1786 г. директором московского Аптекарского огорода был назначен доктор медицины, философии и права Ф. Х. Стефан. Новый руководитель добился присоединения Аптекарского огорода к Медико-хирургической академии, что позволило ему приобрести статус образовательного и научного учреждения. Тогда же впервые были предприняты попытки создания в условиях сада образовательной среды. Вместо господствовавшего тогда чисто утилитарного «медицинского» принципа посадок растений по характеру применения, их стали сажать в систематическом порядке: по родству, или месту происхождения. В московском Аптекарском огороде активно развивался образовательный процесс: студенты-медики учились различать и правильно применять лекарственные растения [23, с. 97].

Первым огородом, на базе которого была целенаправленно организована исследовательская работа, еще до 1713 г. (точная дата основания неизвестна), стал «Аптекарский сад» в Санкт-Петербурге. Он был спланирован по регулярному принципу: две пересекающиеся под прямым углом аллеи делили его на четыре квадрата, в центре была устроена круглая площадь. В 1732 г. здесь началось строительство теплиц, оранжерейных корпусов и других зданий. Уже в 1737 г. сад располагал крупнейшей коллекцией растений из Европы и Азии. Ближе ко второй половине XVIII в. сад вошел в состав учебно-вспомогательных учреждений Медико-хирургической академии. Кроме лекарей, на его базе в то время проходили практику и ботаники. Образовательное значение сада подтверждается его тесными связями с учебными заведениями северной столицы [17, с. 729].

Таким образом, именно аптекарские огороды послужили отправной точкой для формирования и дальнейшего развития ботанических садов, как объектов ландшафтной архитектуры, самостоятельно осуществляющих просветительскую и научную деятельность. По сравнению с аптекарскими огородами, которые были созданы до XVIII в., в коллекциях садов петровского времени были значительно шире представлены отечественные и иноземные виды растений, имелись крупные, рационально организованные оранжереи. В это время изучение и практическое использование природных, в том числе ботанических, ресурсов рассматривалось как одна из центральных государственных задач Российской империи.

Середина XVIII в. в России стала поворотным этапом в истории развития просветительского направления садово-паркового искусства. Наряду с государственными садами, быстро увеличивались размеры и разнообразие частных ботанических коллекций в приусадебных парках, преобладающим становился регулярный принцип планировки.

Ботанические коллекции Демидовского парка (позднее — «Нескучного сада»), созданного в 1756 г. вблизи имения Н. Ю. Трубецкого на берегу Москвы-реки, к 1760 г. обогатились более чем двумя тысячами видов растений, а к 1786 г. их число увеличилось в четыре раза. Многие образцы растений были интродуцированы из отдаленных уголков России, а также из Индии и Америки.

Ежегодно в Демидовском парке составлялись гербарии. Каталог-травник, созданный на их основе академиком П. А. Палласом в 1781 г., предназначался для «любителей и охотников ботаники», и фактически стал первым в своем роде путеводителем — образовательным пособием, созданным для ориентации в видовом многообразии растений сада [15].

В начале XIX в., когда с развитием медицины лечение травами постепенно стало утрачивать свое значение, аптекарские огороды и частные ботанические коллекции начали преобразовываться в ботанические сады, среди основных функций которых преобладали наука и просвещение.

Аптекарский сад в Санкт-Петербурге был переименован в Ботанический сад в 1823 г. [17, с. 729]. В это время его коллекция растений была сравнительно небольшой и включала всего 1500 видов. Хотя еще не были изданы научные пособия, но сад уже служил базой для практических занятий студентов медицинских и ботанических факультетов. В 1823 г. высочайшим повелением императора Александра I управление садом было поручено немецкому ботанику Ф. Б. фон Фишеру. В течение нескольких лет число видов коллекционных растений выросло в десять раз, появились обширная гербарная коллекция, музей и библиотека. При саде были открыты курсы обучения садоводству и огородничеству. Крупнейшие ботаники того времени: И. Х. Буксбаум, Ф. Б. фон Фишер, И. Г. Сигезбек и другие — читали здесь лекции. Во второй половине XIX в. научные занятия при Императорском ботаническом саде еще более расширились, открылась семинария и биологическая лаборатория [22, с. 174].

В связи с формированием и активным развитием ботанических садов как самостоятельных объектов ландшафтной архитектуры, синтезирующих научную деятельность, просвещение, культуру и эстетику, на основе систематических каталогов садовых коллекций начали появляться первые путеводители и лекционные курсы для посетителей.

В 1855 г. Николай Андреевич Гартвис — известный российский ботаник и директор Никитского ботанического сада в Крыму — публикует свой труд «Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия», где были изложены основные цели и задачи указанных учреждений и обзор результатов их многолетней работы, в том числе и по проблемам образовательной деятельности: «...заведены школы оливковых и шелковичных деревьев, первых — вообще жителям южного берега Крыма, вторых — всем желавшим заниматься шелководством...» [4, с. 2].

Статья «Путеводитель по Санкт-Петербургскому Ботаническому саду» директора Императорского Ботанического сада им. Петра Великого Эдуарда Людвиговича Регеля, опубликованная в 1875 г., стала одной из первых работ, в которых оценивалось просветительское значение садовых коллекций [19, с. 164].

Во второй половине XIX в. число ботанических садов и дендропарков, значительно возросло, в связи с чем можно говорить о принципиальной смене социальной значимости их как архитектурных объектов: утилитарное использование коллекций аптекарских огородов окончательно вытесняется научными исследованиями, а просветительская функция расширяется и усложняется до уровня образовательных требований.

Характерными особенностями ландшафтной архитектуры в конце XIX – начала XX вв. стали многофункциональность садов и парков, а также образование в них так называемых «внутренних садов» — моносадов, ботанических участков, дендрариев, альпинариев и др. В это время появились первые национальные и лесные парки.

В 1905 г. был опубликован новый Иллюстрированный путеводитель по Императорскому Ботаническому саду, составленный его сотрудниками под общей редакцией известного русского ботаника и директора Санкт-Петербургского ботанического сада Александра Александровича Фишера фон Вальдгейма. В новом путеводителе получили развитие просветительские идеи Э. Л. Регеля, но при этом они были представлены как обоснование новых принципов организации образовательной среды ботанического сада. Так, коллекционные растения оформлялись с помощью так называемых «ярлыков» — табличек, содержащих краткие сведения о каждом из экспонатов. По словам А. А. Фишера, «Посещение сада достигает полной цели, когда всякому легко видеть, к какому семейству принадлежит растение, как оно называется и где его родина» [7, с. 8]. Таким образом, информационные таблички — привычные атрибуты образовательной среды современных ботанических садов — начали использоваться только с 1905 г.

На данном этапе сакральная функция садов была постепенно утрачена. Признаки нового витка ее развития стали заметны только в наши дни в связи с развитием экологических парков (как правило, создаваемых на базе ботанических садов), национальных парков и других особо охраняемых территорий.

Понятие «экологический парк» появилось в семантическом поле отечественного ландшафтного строительства сравнительно недавно. Традиционно под ним понимается «устойчивая экологически жизнеспособная самовоспроизводящаяся модель ландшафтного планирования, основной целью которой является укрепление связей между построенной окружающей средой и естественным ландшафтом» [26, с. 24].

Структура и наполнение современных экологических парков могут приобретать разнообразные формы, однако их объединяет обязательное наличие зон: 1) экологического покоя (лесопарковой зоны); 2) постоянных экспозиций (ботанического сада и вивария); 3) буферного пространства для образования и творчества; 4) экстенсивной (прогулочные тропы, видовые площадки, туристические стоянки) и активной (игровые и спортивные площадки) рекреации; 5) защиты. Все перечисленные элементы полифункциональны и композиционно взаимообусловлены. Устойчивость природных комплексов и сохранение биоразнообразия экопарка достигается естественной сменой видов на его территории [3, с. 22].

Удачным примером такого зонирования является экологический парк в долине реки Припять на территории Белоруссии (рисунок 4).

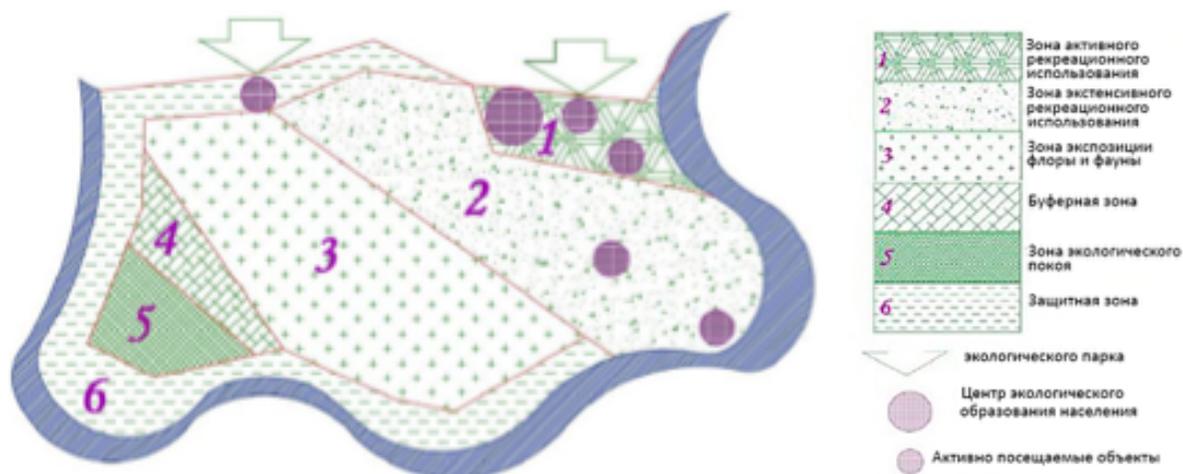


Рисунок 4 – Проект экологического парка в долине реки Припять (Белоруссия, д. Повчин, Гомельская обл.) [3, с. 21]  
 Figure 4 – Project of Ecological Park in the Pripjat' River Valley (Belarus, Povchin Village, Gomel Region) [3, p. 21]

В этом проекте представлена наиболее удачная компоновка перечисленных зон. Часто посещаемые зоны активной и экстенсивной рекреации с центром экологического образования расположены вблизи друг друга, у предполагаемого входа на территорию экопарка. С буферной зоной их объединяет экспозиционная, служащая одновременно образовательным и рекреационным целям. Вблизи буферной и на достаточном удалении от рекреационных зон располагается зона экологического покоя, как наименее подходящая для рекреации и наиболее интересная с точки зрения образования. Природоохранной функции экологических парков отвечает расположение защитной зоны, которая не предназначена для посещения и не пересекается с зоной активной рекреации.

Таким образом, можно считать, что экологический парк представляет собой оптимальную конфигурацию образовательной среды в условиях объекта ландшафтной архитектуры, призванную воспитывать уважительное и бережное отношение к природе. Эффективность использования экологических парков в этом направлении определяется возможностью сочетания вербальных и невербальных методов воздействия на посетителей в целях наиболее полного и быстрого освоения транслируемых идей.

Образы, создаваемые объектами экологического парка, обычно символизируют разные стороны отношений человека и природы. Они читаются во взаимной обусловленности естественных и рукотворных ландшафтов, экосистемной целостности ботанических и зоологических экспозиций, антропоморфных изображениях растений и животных.

В связи с этим особое внимание обращает на себя то, что в идее экологических парков сравнительно недавно начали звучать сакральные мотивы, языческие по своей духовной принадлежности. На глазах сформировалась особая мифология парка с населяющими его сказочными персонажами — разнообразными духами (леса, реки, гор и т. п.), легендами, связанными с его объектами, новосозданными, или в разной степени заимствованными у представителей дохристианских культур обрядовыми действиями («волшебное» дерево, камень, ручей, у которых можно загадывать желания).

В современной России накоплен сравнительно небольшой опыт строительства подобных объектов садово-паркового искусства [14, с. 60]. На сегодняшний день действуют экологические парки: «Дерево-дом» (Московская область); «Лукоморье» (г. Севастополь); «Черное озеро» (г. Ульяновск); «Биосфера» (г. Калуга); «Саамская деревня» (Ловозерский район Мурманской области). На стадии проекта находятся Камышевский (г. Санкт-Петербург), Вишерский (г. Красновишерск, Пермский край) и Темерникский (Ростовская область) экопарки.

Официально создание экопарков мотивируется образовательно-туристическими, часто — краеведческими и этнографическими целями, обычными для «месторазвитий» [6, с. 544] языческих субэтносов. При этом во многих случаях отдельные мифологические атрибуты аранжировки таких парков становятся доминирующими, и экопарк фактически выступает в роли языческого капища. Одним из примеров такого парка является известный туристический объект Мурманской области, транслирующий культурные традиции и бытовые устои саами — коренного народа Кольского полуострова. Экспозиции экологического парка «Саамская деревня» («Самь-сыйт»), среди прочих объектов включают в себя аллею саамских идолов, которым полагается приносить мелкие монеты в качестве пожертвования (рисунок 5).



**Рисунок 5 – Экологический парк «Саамская деревня»  
(Ловозерский район Мурманской области) [21]  
Figure 5 – Ecological Park “Sami Village”  
(Lovozerky District, Murmansk Region) [21]**

В последние годы эко-языческие парки, а также их фрагменты достаточно часто возникают стихийно. Так, вскоре после выхода в свет нашумевшего фильма Андрея Звягинцева «Левиафан», возле дороги в поселок Териберка (Мурманская область) появился небольшой парк сейдов — каменных пирамид, уложенных специфическим образом, использовавшихся народом саами в ритуальных целях (рисунок 6).



**Рисунок 6 – Новосозданный парк сейдов вблизи автодороги  
Мурманск — Териберка, Мурманская область [24]  
Figure 6 – Newly Created Seid Park Near the Murmansk-Teriberka  
Highway, Murmansk Region [24]**

В начале 2000-х гг. на Беломорской биологической станции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (станция Пояконда, северная Карелия), проходившие летнюю практику студенты соорудили настоящее языческое капище, на котором перед зачетами полагалось приносить в жертву старую обувь и отслужившие свой срок мобильные телефоны (рисунок 7).



**Рисунок 7 – Языческое капище, возведенное студентами, проходившими практику на Беломорской биологической станции МГУ им. М. В. Ломоносова. Станция Пояконда, Северная Карелия (фото автора)**  
**Figure 7 – Pagan Temple Built by Students Interning at the White Sea Biological Station of the Lomonosov Moscow State University. Poyakonda Station, North Karelia (Photo by Author)**

Суммируя сказанное, можно заключить, что сакральная и просветительская функции ландшафтного искусства в России возникли раньше других. Первая развивалась исключительно в тесной связи со второй до конца XVII и с начала XX в. до настоящего времени, а в развитии второй наблюдался индивидуальный этап (с начала XVIII и до конца XIX в.). Эволюция просветительского значения российской садово-парковой архитектуры проходила через этапы языческих сооружений древних славян — монастырских садов — аптекарских огородов — ботанических садов — экологических парков.

Сакральная и просветительская функции не отделяются друг от друга на этапе языческих культовых сооружений и усиливают значение своей взаимосвязи с появлением монастырских садов.

Исторически первые упоминания о просветительской деятельности садов и парков Древней Руси были тесно связаны с религиозной тематикой. Пространственную организацию и образную систему таких садов тщательно планировали и создавали с учетом того, что, находясь в условиях сада и созерцая его пейзаж, посетитель испытывает определенное невербальное воздействие, которое приведет его к тем или иным вербальным умозаключениям.

Далее — на этапе аптекарских огородов и ботанических садов — они расходятся, но с появлением современных экологических парков снова приходят к синергии в условиях специально организованной образовательной среды. Данное замечание свидетельствует о необходимости более детального изучения экопарков, как отдельного полифункционального направления садово-парковой архитектуры в целом и интегрирующего в себе сакральный и просветительский потенциал — в частности.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вергунов А. П.* Садово-парковое искусство России от истоков до начала XX века. М.: Белый город, 2007. 670 с.
- 2 *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до нач. XX в.). М.: Культура, 1996. 430 с.
- 3 *Волкова В. В.* Методика перманентного проектирования и формирования экологических парков // Вестник Полесского государственного университета. Серия природоведческих наук. 2018. № 2. С. 19–24.
- 4 *Гартвис Н. А.* Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия, составленный Н. Гартвисом и изданный Департаментом сельского хозяйства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. 51 с.
- 5 *Герман Ф. Л.* Врачебный быт до-Петровской Руси. Харьков: Изд-е Адольфа Дарре, 1891. 119 с.
- 6 *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 560 с.
- 7 Иллюстрированный путеводитель по Императорскому Ботаническому саду / под ред. А. А. Фишера-фон-Вальдгейма. СПб.: Тип.-литограф. «Герольд», 1905. 301 с.
- 8 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. М.: КоЛибри, 2018. 413 с.
- 9 *Махлина С. Т.* Сады и парки как коды культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 1 (30). С. 48–58.
- 10 *Маленко С. А.* От восторга к преображению природы: «Возделывание» иноческой Самости в традициях Новгородской земли // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4–1 (87). С. 112–116.
- 11 *Маркарян Д.* Некоторые особенности архитектурно-ландшафтного комплекса древнерусского монастыря // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 99–110.
- 12 *Мельник А. Г.* К семантике монастырского сада // Памятники культуры. Новые открытия (1994) / сост. Т. Б. Князевская; под ред. Н. А. Алпатова, А. В. Бездидько. М.: Наука, 1996. С. 517–518.
- 13 *Мубаракишина Ф. Д., Морозова Е. В., Илалова А. Ф.* К вопросу истории развития ботанических садов в России и за рубежом // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 4 (26). С. 63–67.
- 14 *Мурзин А. Д.* Экологический парк как инструмент обеспечения устойчивости городского пространства // Экономика и экология территориальных образований. 2019. № 4 (11). С. 60–66.
- 15 *Паллас П. С.* Каталог растений находящимся в Москве в саду его превосходительства / действительного статского советника и императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля, Прокопия Акинфиевича Демидова. СПб.: Имп. Акад. наук, 1781. 163 с.

- 16 Парки. Сады / под ред. Т. Евсеевой. М.: Аванта+, 2005. 183 с.
- 17 *Потемин М. А.* Объект культурного наследия федерального значения «Ботанический сад». Отдельные исторические сведения по материалам паспорта объекта культурного наследия. Соблюдение требований законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия // *Hortus botanicus*. 2018. Т. 13. С. 728–743.
- 18 *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
- 19 *Регель Э. Л.* Путеводитель по С.-Петербургскому Ботаническому саду // Труды С.-Петербургского Ботанического сада. 1875. Т. II. С. 164–165.
- 20 *Рихтер В. М.* История медицины в России: в 3 ч. М.: Унив. тип., 1814. 466 с.
- 21 *Синельщикова Е.* Как живет исчезающий народ русской Лапландии саамы // *Russia Beyond*, 20.11.2019. URL: <https://ru.rbth.com/read/585-sami-people-russian-lapland> (дата обращения: 16.07.2021).
- 22 *Сокольская О. Б.* История садово-паркового искусства: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 260500 «Садово-парковое и ландшафт. стр-во». М.: ИНФРА-М, 2004. 348 с.
- 23 Три века истории // Высшее образование в России. 2007. № 7. С. 97–100.
- 24 *Циелавс Я.* День 3. Мурманск-Териберка-Мурманск. Баренцево. Край Земли. 04.09.2016 // *Livejournal.com*. URL: <https://roadof7winds.livejournal.com/139447.html> (дата обращения: 16.07.2021).
- 25 *Цицилин А. Н.* Аптекарские огороды в Москве: История и современность // Генетические ресурсы лекарственных и ароматических растений. Сб. науч. тр. М.: Всероссийский научно-исследовательский ин-т лекарственных и ароматических растений, 2004. С. 129–132
- 26 *Power A. M.* Designing for ecology: the ecological park. Thesis (M.C.P.). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology. Dept. of Urban Studies and Planning, 2006. 144 p.

\*\*\*

© 2022. **Vladimir K. Zhirov**  
Apatity, Russia

© 2022. **Elena G. Mitina**  
Murmansk, Russia

© 2022. **Anastasia V. Ishchenko**  
Apatity, Russia

**ENLIGHTENING SIGNIFICANCE  
OF LANDSCAPE ARCHITECTURE IN RUSSIA:  
SACRED SYMBOLISM AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

**Abstract:** The main milestones in the evolution of relationship between man and nature are reflected in social functions of landscape architecture through different periods of its historical development. It is largely associated with gardens and parks educational activity, which harmonious combination of ancient sacred and modern educational

symbolism distinguishes them from other architectural forms. The present study discusses the historical development of Russian landscape architecture, considered in the context of the relationship of sacred and educational functions. The authors examine formation process of the educational role of Russian landscape architecture from the Ancient World to modern times: at the stages of its implementation through the ancient Slavs sacred buildings, monastic and apothecary gardens creation, the development of a system of botanical gardens and ecological parks. The analysis of the evolution of these relations allows us to conclude that the sacred and educational functions of Russian landscape art, having begun earlier than others, are not only developing to the present days, but also having a close relationship precisely in the discourse of the enlightenment at all stages.

**Keywords:** Landscape architecture, religious buildings of the ancient Slavs, monastery gardens, apothecary gardens, botanical gardens, ecological parks, sacred symbolism, educational environment.

**Information about the authors:**

Vladimir K. Zhiron — DSc in Biology, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Advisor, The Kola Science Center Russian of the Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8519-1082>

E-mail: [v\\_zhiron\\_1952@mail.ru](mailto:v_zhiron_1952@mail.ru)

Elena G. Mitina — DSc in Pedagogy, Professor, Murmansk Arctic State University, Captain Egorov St., 15, 183038 Murmansk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2640-5092>

E-mail: [elena\\_mitina08@mail.ru](mailto:elena_mitina08@mail.ru)

Anastasia V. Ishchenko — Junior Researcher, Medical and Biological Technologies Laboratory, The Kola Science Center Russian of the Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3087-9960>

E-mail: [anestezia\\_zhirova@mail.ru](mailto:anestezia_zhirova@mail.ru)

**Received:** June 16, 2021

**Approved after reviewing:** March 15, 2022

**Date of publication:** September 28, 2022

**For citation:** Zhiron V. K., Mitina E. G., Ishchenko A. V. Enlightening Significance of Landscape Architecture in Russia: Sacred Symbolism and Educational Environment. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 8–25. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

## REFERENCES

- 1 Vergunov A. P. *Sadovo-parkovoe iskusstvo Rossii ot istokov do nachala XX veka* [Landscape Art of Russia from the Origins to the Beginning of the 20<sup>th</sup> century]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2007. 670 p. (In Russian)
- 2 Vergunov A. P., Gorokhov V. A. *Vertograd: Sadovo-parkovoe iskusstvo Rossii (ot istokov do nach. XX v.)* [Vertograd: Garden and Park Art of Russia (from the Origins to the Beginning of the 20<sup>th</sup> century)]. Moscow, Kul'tura Publ., 1996. 430 p. (In Russian)
- 3 Volkova V. V. Metodika permanentnogo proektirovaniia i formirovaniia ekologicheskikh parkov [Permaculture Design and Formation of Ecological parks]. *Vestnik Polesskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Series prirodovedcheskikh nauk [Natural Sciences]*, 2018, no 2, pp. 19–24. (In Russian)
- 4 Gartvis N. A. *Obzor deistvii Imperatorskogo Nikitskogo sada i Magarachskogo uchilishcha vinodeliia, sostavlennyi N. Gartvisom i izdannyi Departamentom sel'skogo khoziaistva* [Actions Review of the Imperial Nikitsky Garden and the Magarachsky School of Winemaking]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1855. 51 p. (In Russian)
- 5 German F. L. *Vrachebnyi byt do-Petrovskoi Rusi* [Medical Life of pre-Petrine Russia]. Khar'kov, Izdanie Adol'fa Darre Publ., 1891. 119 p. (In Russian)
- 6 Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow, AST Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
- 7 *Illustrirovannyi putevoditel' po Imperatorskomu Botanicheskomu sadu* [Illustrated Guide to the Imperial Botanical Garden], ed. by A. A. Fisher-fon-Val'dgeim. St. Petersburg, Tipo-litografiia "Gerol'd" Publ., 1905. 301 p. (In Russian)
- 8 Likhachev D. S. *Poeziia sadov* [Poetry of Gardens]. Moscow, KoLibri Publ., 2018. 413 p. (In Russian)
- 9 Makhlina S. T. Sady i parki kak kody kul'tury [Gardens and Parks as Cultural Codes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2017, no 1 (30), pp. 48–58. (In Russian)
- 10 Malenko S. A. Ot vostorga k preobrazheniiu prirody: "Vozdelyvanie" inocheskoj Samosti v traditsiiakh Novgorodskoi zemli [From delight to the Transfiguration of Nature: "Cultivation" of Monastic Self in the Traditions of Novgorod Land]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, 2015, no 4–1 (87), pp. 112–116. (In Russian)
- 11 Markarian D. Nekotorye osobennosti arkhitekturno-landshaftnogo kompleksa drevnerusskogo monastyria [Some Features of the Architectural and Landscape Complex of an Old Russian monastery]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Series "Filosofia. Sotsiologija. Iskusstvovedenie"* [Philosophy. Sociology. Art history], 2018, no 3 (13), pp. 99–110. (In Russian)
- 12 Mel'nik A. G. K semantike monastyr'skogo sada [To the Semantics of the Monastic Garden]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia (1994)* [Cultural monuments. New discoveries (1994)], comp. T. B. Kniazevskaia; ed. by N. A. Alpatova, A. V. Bezdid'ko. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 517–518. (In Russian)
- 13 Mubarakshina F. D., Morozova E. V., Ilalova A. F. K voprosu istorii razvitiia botanicheskikh sadov v Rossii i za rubezhom [To the History of Botanic Gardens Development in Russia and other Countries]. *Izvestiia Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2013, no 4 (26), pp. 63–67. (In Russian)
- 14 Murzin A. D. Ekologicheskii park kak instrument obespecheniia ustoichivosti gorodskogo prostranstva [Ecological Park as a Tool for Sustainability of Urban Space]. *Ekonomika i ekologija territorial'nykh obrazovanii*, 2019, no 4 (11), pp. 60–66. (In Russian)
- 15 Pallas P. S. *Katalograstenii nakhodiashchimsia v Moskve v sadu ego prevoskhoditel'stva / deistvitel'nogo statskogo sovetnika i imperatorskogo vospitatel'nogo doma znamenitogo blagodeliia, Prokopiia Akinfievicha Demidova* [Catalog of Plants Located in Moscow in the Garden of His Excellency / Full State Councilor and Imperial Educational Home of the Famous Benefactor, Prokopy Akinfievich Demidov]. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1781. 163 p. (In Russian)

- 16 *Parki. Sady* [Parks. Gardens], ed. by T. Evseevoi. Moscow, Avanta+ Publ., 2005. 183 p. (In Russian)
- 17 Potemin M. A. Ob"ekt kul'turnogo naslediiia federal'nogo znacheniiia "Botanicheskii sad". Otdel'nye istoricheskie svedeniia po materialam pasporta ob"ekta kul'turnogo naslediiia. Sobliudenie trebovanii zakonodatel'stva v sfere okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediiia [Botanical Garden as the Cultural Heritage Object of Federal Importance. Some Historical Data according to the Materials of the Cultural Heritage Object Passport. Observance of the Requirements of Legislation in the Field of Cultural Heritage Protection]. *Hortus botanicus*, 2018, vol. 13, pp. 728–743. (In Russian)
- 18 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782 p. (In Russian)
- 19 Regel' E. L. Putevoditel' po S.-Peterburgskomu Botanicheskomu sadu [Guide to the St. Petersburg Botanical Garden]. *Trudy St.-Peterburgskogo Botanicheskogo sada*, 1875, vol. II, pp. 164–165. (In Russian)
- 20 Rikhter V. M. *Istoriia meditsiny v Rossii: v 3 ch.* [History of Medicine in Russia: in 3 parts]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1814. 466 p. (In Russian)
- 21 Sinel'shchikova E. Kak zhivet ischezaiushchii narod russkoi Laplandii saamy [How the Disappearing People of Russian Lapland Live, the Sami]. *Russia Beyond*, November 20, 2019. Available at: <https://ru.rbth.com/read/585-sami-people-russian-lapland> (accessed 16 July 2021). (In Russian)
- 22 Sokol'skaia O. B. *Istoriia sadovo-parkovogo iskusstva: uchebnik dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti 260500 "Sadovo-parkovoe i landshaftnoe stroitel'stvo"* [History of Landscape Art: Textbook for University Students Studying in the Specialty 260500 "Landscape and Landscape Construction"]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 348 p. (In Russian)
- 23 Tri veka istorii [Three Centuries of History]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, no 7, pp. 97–100. (In Russian)
- 24 Tsielavs Ia. Den' 3. Murmansk-Teriberka-Murmansk. Barentsevo. Krai Zemli. 04.09.2016 [Day 3. Murmansk-Teriberka-Murmansk. Barents Sea. The Edge of the Earth. September 04, 2016]. *Livejournal.com*. Available at: <https://roadof7winds.livejournal.com/139447.html> (accessed 16 July 2021). (In Russian)
- 25 Tsitsilin A. N. Aptekarskie ogorody v Moskve: Istoriia I sovremennost' [Apothecary Gardens in Moscow: History and Modernity]. *Geneticheskie resursy lekarstvennykh i aromaticsikh rastenii. Sbornik nauchnykh trudov* [Genetic Resources of Medicinal and Aromatic Plants. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut lekarstvennykh i aromaticsikh rastenii Publ., 2004, pp. 129–132. (In Russian)
- 26 Power A. M. *Designing for ecology: the ecological park. Thesis (M.C.P.)*. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Urban Studies and Planning Publ., 2006. 144 p. (In English)